

сто лет тому назад,¹ не получила в дальнейшем подкрепления и развития. Наоборот, А. Н. Веселовский в своей известной статье „Памятники литературы повествовательной” весьма сдержанно отозвался о повести, говоря о ее художественной природе. „Повесть, — по его словам, — не возбуждает психологического интереса; в сущности, это чудо Казанской Богородицы (разрядка моя. — М. С.)... Вставленная в отношения бойкого исторического времени, она отразила его лишь внешними культурными подробностями”.² К иным выводам можно притти, учитывая особенности архетипа повести. Анализ текстов повести обнаруживает, что название ее „чудом” встречается только в поздних ее текстах — в списках XIX в.; архетип же знает название — „Повесть зелопредивна и истинна”. Кроме этого, что особенно важно, все исторические эпизоды (отголоски „Смуты”, война с Польшей из-за Смоленска в 1632—1634 гг.), все исторические реалии и, главное, основной замысел повести — дать образ молодого человека, порывающего связи с родным ему, но уходящим в прошлое миром, — все это присуще архетипу повести. Если мы учтем еще, что повесть, написанная в 1666—1668 гг., изображает события, относящиеся к первой трети XVII в., мы ближе подойдем к пониманию ее художественной природы. Для нас станет ясным, что по авторскому замыслу повесть является литературно-художественной зарисовкой *старинной* русской жизни. Автор видит эту жизнь в исторической перспективе. Он изображает ее с присущими ей верованиями и суевериями — отсюда демонологический элемент повести. Он рисует ее стародавние устои, ее семейную и общественную мораль и их распад. В известной мере переноса в прошлое черты своей эпохи, автор находит и в прошлом стремление молодого и талантливого поколения вырваться из „благонаправного”, но мертвящего быта. Проецируя в прошлое особенности своего времени, автор мастерски изображает раздвоенность внутреннего мира молодого поколения, неустойчивость его психики, что нередко приводило в самой жизни к торжеству старых начал и что явилось причиной гибели героя повести. При такой интерпретации повести она раскрывается перед нами, действительно, как первая попытка романа, как он мог сложиться на русской национальной почве.

Архетип дает нам текст повести без позднейших сокращений как в составе эпизодов, так и в самом изложении. И мы видим, что масштабы, в которых изображается в повести „старинная” русская жизнь, поистине замечательны. Это изображение дано по нескольким сюжетным линиям, каждая из которых в отдельности вполне достаточна для самостоятельного повествовательного произведения: жизнь купеческой семьи Грудцыных-Усовых на фоне событий „Смуты”; преступная любовь Саввы и молодой жены Бажена; история продажи Саввой души дьяволу с замечательной картиной „царства сатаны”; приключения двух названных братьев — Саввы и беса; скромная жизнь семьи стрелецкого сотника Якова Шилова; былинно-образные эпизоды поединков Саввы с польскими „исполинами”; „чудо” от популярной в XVII в. иконы Казанской Богородицы и пр. В связи с этим, место действия в повести многократно меняется: здесь и Устюг Великий, и Казань, и Орел Соликамский, и Кузьмодемьянск, и Павлов Перевоз, и Шуя, и Москва и военный лагерь под Смоленском. Число героев повести необычно велико для древне-русских произведений, каждый из них наделен индивидуаль-

¹ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1858, стр. 280.

² См.: А. Галахов. История русской словесности, древней и новой. 2-е изд., СПб., 1880, стр. 485.